Евгений Вдовин, Интернет журнал "Человек с гитарой", апрель 2012

В: Сергей Яковлевич, Софья Губайдулина в одном из своих интервью сказала, что технический прогресс убивает культуру, и она не уверена, что традиция живых концертов вообще сохранится. Наверное, она имела в виду, что будем все смотреть по интернету в 3D. А Сергей Юрский сказал, что интернет убивает духовность. Так что же, по вашему мнению, интернет для культуры — благо или зло? И стоит ли видеть перспективу так пессимистически?

{jcomments on}

Н: Как физик химику….. Я спокоен, у меня нет никакого чувства паники по этому поводу. Компьютер, интернет как средство связи — это только инструменты. Главное — проявить самостоятельность, «самость» и не дать этому змею с тысячью щупалец себя захватить и не попасть к нему в зависимость. Больше двух часов (само собой, если это не касается музыки) в интернете я просто не могу выдержать. В конце концов, это все-таки инструмент, который, конечно же, ускоряет наши связи; теперь есть ощущение, что земной шар стал маленьким и это просто наш дом, в которым мы, человечество, живем. Живое общение, во-первых, никто не отменял, а во-вторых, ничто заменить не сможет. Я думаю, наоборот, ценность живого общения повысится, и это касается в

первую очередь России и русских людей. Если мы и сдадимся, то последними.

В: Я обратил внимание, что со времени появления мобильников, с интернета, скайпа, люди стали гораздо реже ездить друг к другу в гости. Меньше стали общаться вживую.

Н: Да нет, скорее это связано с переменами в жизни общества: больше времени и сил уходит на зарабатывание хлеба с маслом.

В: То есть время на культурный досуг и самосовершенствование сократилось?

Н: Мы потихонечку движемся в сторону стран с интенсивной экономикой. Достаточно посмотреть на Америку. У людей свободного от работы времени гораздо меньше, чем у нас было в советское время.

В: Ну, здесь я абсолютно с Вами согласен. Кстати, заметно, что в Москве и в провинции разный темп жизни и зарабатывания денег. В провинции, где у людей меньше возможностей для заработка и больше свободного времени, интерес к культуре порой больший, нежели в Москве. И посещаемость концертов, спектаклей порой намного выше. В Москве все движется к камерным площадкам.

Н: А я вот хотел бы вернуться к живому исполнению. Был такой эпизод, когда мы были в глухой архангельской деревне. В нашей компании было два флейтиста — Таня Ларина и Володя Серов. В деревне Майдан Устьянского района мы устроили ночной концерт просто в охотничьей избе. Электричества там не было, так что все проходило при свечах. А публика — публики было немного, человек пять–шесть, местные люди, в том числе пенсионерка Галя, которая проработала в местной больнице всю жизнь медсестрой. Когда мы ее встретили утром, она рассказала, что почти всю ночь не спала, и ей снились какие-то эпизоды из детства — весна была, птицы пели, ручьи журчали... Наши флейтисты играли из Моцарта, из Верди, и Галя наконец поняла, почему люди на концерты ходят — живая музыка совершенно по другому действует. Сравнить это с симфонической и камерной музыкой по телевизору, которую Галя иногда слушала, совершенно невозможно. Вы, говорит, вы просто вернули мою молодость. На этом концерте охотники, лесорубы сидели — и просто рты пооткрывали. Ну, и еще это все в такой волшебной обстановке было...

В: Значит, Вы считаете, что пессимизм (интернет убьет культуру, духовность) не оправдан? Пройдет такой этап развития — и все вернется на круги своя? Ведь сколько раз говорили, что театр умер. А на Петра Фоменко и сейчас в Москве за три месяца билеты не купишь...

Н: Нужно все-таки себе отдавать отчет в том, что есть деятели культуры и есть потребители той продукции, которую они производят (я имею в виду литературу, поэзию, театр, живопись, музыку). В процентном соотношении и тех и других не так уж много в отношении к общей массе населения. Но именно они являются духовными лидерами нации, они определяют ее лицо. Что же касается интернета, то он как раз охватывает массу людей, у которых низкие духовные потребности. Для них это способ убить время или способ не оставаться в одиночестве, то есть в каком-то смысле интернет для этих людей — благо. Однако есть вероятность, что в том же интернете их могут «зацепить» именно какие-то образцы духовной деятельности, а не очередные анекдоты и приколы.

В: Кстати, смежный вопрос: а как Вы относитесь к авторским правам в интернете? Во всем мире они уже существуют, и даже в России пиратская партия пытается зарегистрироваться на свободный доступ к потреблению авторской интеллектуальной собственности. Не секрет, что с появлением интернета производство аудиопродукции резко упало, и в результате автор не спит ночами, сочиняет, правит, переделывает — а плоды его трудов бесплатно потребляет интернет-сообщество. Как Вы к этому относитесь? Одни как-то пытаются урегулировать интернет в этом плане, а другие кричат: долой цензуру!

Н: Вопрос, конечно, сложный. Я пользователь интернета, и у меня двоякая позиция: как автор я подозреваю, что какая- то часть материальных благ уходит, уплывает, а как потребитель я кайфую, потому что могу заглянуть в YouTube или бесплатно скачать любимую джазовую композицию в любом торренте. Я думаю, что это процесс неизбежный, но, как говорится, на наш век хватит того, что мы зарабатываем живым исполнением и продажей дисков на концертах. Интернет интернетом, но когда человек приходит на концерт, ему хочется оставить в руках материальное свидетельство о соприкосновении с высоким, возникает такой локальный ажиотажный спрос на диски, и мы, артисты, этим пользуемся. А вот писателям сложнее: концертов у них нет, тиражи бумажных изданий резко падают.

В: Александр Городницкий как-то сказал, что авторская песня находится в глубоком кризисе отчасти потому, что исчезла протестная составляющая. Жанр был оппозиционный в гражданском плане — Галич, Высоцкий, Окуджава, Ким. Так ли это с Вашей точки зрения? Что сегодня с авторской песней и ее кризисом?

Н: Жизнь нашего общества вообще находится в глубоком кризисе, отсюда и все остальные кризисы. Мне кажется, самым живучим видом искусства оказался театр. Правда, и там, конечно же, процветают разные коммерческие проекты, но каким то чудесным образом высшие образцы, высшие проявления театра тоже живут. Благодаря какой- то поддержке крупных меценатов, я думаю. И театр Фоменко, и то, что делает Валерий Фокин, — все это находит поддержку у предпринимателей, банков и т.д. И спасибо им за это. То же с литературой и поэзией: хотя там есть и попсовое направление, но и серьезная литература тоже, слава Богу, выживает. Дай Бог, чтобы появились талантливые авторы — есть такие проблески. Ну и если, скажем, в советское время протестные настроения выражались в прямой критике этой нашей фальши советской, то сейчас, мне кажется, просто поддержание нормальной творческой жизни уже есть акт сопротивления, акт протеста, и надо это осознавать, надо это помнить. Само исполнение Моцарта, Баха, Чайковского, Стравинского уже есть акт сопротивления. Наш с Татьяной случай, можно сказать, счастливый: мы всю жизнь поем стихи, поэзию с большой буквы. В советское время это было актом сопротивления. И надо просто оставаться самим собой, надо передавать свое увлечение, свою любовь к проявлениям человеческого духа детям, внукам — этим мы и занимаемся. И я думаю, что актуальность такого сопротивления все повышается и повышается.

В: Вопрос, смежный предыдущему. Вы гастролирующий артист, а таким обычно на гастролях дарят много дисков молодые «таланты». Появилось ли за последний десяток лет, с Вашей точки зрения, что-либо достойное внимания нашего искушенного слушателя? Вы сказали, «есть такие проблески».

Н: Дарят действительно много, но, как правило, 95 % — графоманская продукция, однако я все равно очень тепло отношусь к этим людям, без снобизма или пренебрежения. Это прекрасные и понятные мне люди, просто у них отсутствует орган самооценки. Часто во всех других отношениях это прекрасные люди, вполне интеллигентные, развитые. Единственное, что вызывает раздражение, это когда видишь, что человек еще абсолютно ничего не знает. На стихотворение Мандельштама про скрипку уже написано десять вариантов музыки, а он про них не слышал и начинает открывать свою Америку. Надо все-таки хоть немножечко знать, что сделано до тебя.

В: А есть ли хотя бы одно имя за последний десяток лет, которое Вы могли бы рекомендовать широкой аудитории: найдите, послушайте.

Н: Очень симпатизирую одному. Есть такой юноша Петя Термен — правнук знаменитого автора электронного музыкального инструмента терменвокса. Но не это главное. Помню, удивился, узнав что ему лет шестнадцать, а он уже вполне как взрослый. Сейчас ему лет двадцать.

В: Он автор или композитор?

Н: Автор. И композитор.

В: Попробуем поискать и послушать в интернете.

Н: И бесплатно (возвращаясь к началу беседы)!

В: Как говорит Городницкий, кризис кризисом, а количество фестивалей в России растет год от года, и уже сейчас от Балтийского до Японского моря их проходит более трехсот. Я знаю, Вы бываете на некоторых. Что бы Вы хотели пожелать этому движению?

Н: Только одного — организации. Качественный фестиваль должен готовиться, как серьезная научная конференция. За два месяца каждый участник должен получить конкретную программу с почасовым расписанием своего пребывания. А сейчас все, как правило, верстается на месте, как говорится, «на коленке». От этой самодеятельности пора уходить.

В: Так же, как и у Вас, мое хобби — рыбалка. Помогают ли гастроли осваивать новые моря, озера, реки, да пожалуй, и океаны?

Н: Когда приглашают куда-то выступить, мой первый вопрос: «А рыбалка у вас есть?» Поэтому география моей рыбалки весьма обширна.

В: От Канады до Камчатки, насколько мне известно? Н: Точно. Позапрошлой осенью мы были на Камчатке, и это было просто счастье. Там такой есть Саша Ястребов, руководитель известного ансамбля «Кант», который уже закончил свое существование, но это не важно. Мы с ним пять дней провели в октябре на Камчатке, кижуча ловили. А потом, через год, этой осенью, я был в Ванкувере, на том же Тихом океане, только напротив. Самое замечательное, что ловил того же кижуча, но в ноябре. Это, было конечно же, замечательно: меня местные — наши русские рыбаки — привезли на таежную полугорную речку с системой рукавов, где-то ее можно по щиколотку перейти, а где-то есть омуты. Там кета отнерестилась, ее много можно было встретить, хотя уже в непотребном состоянии, а кижуч еще был свеженький, серебристый.

В: Ну, мне кажется, что все-таки когда рыба идет на нерест — я жил на Дальнем Востоке — так поверхность воды черная от спин, просто руками хватай да выбрасывай.

Н: Это уже конец ноября. И поймать кижуча было большой удачей. А в промежутке, скажем, я был в Калининграде, мы там грибы собирали. До этого в Алуште удалось половить ставридку, а в озерах карпа. А этой осенью, еще до Ванкувера, мы были на Волге, в Саратове, и ловили судачка с большого корабля.

В: То есть, в общем, сочетаете, помогает гастрольная деятельность осваивать рыбные места?

Н: Да, все это было связано с гастролями.

В: Можно только позавидовать! Фотографиями поделитесь, я думаю, есть?

Н: Есть.

В: Ну все, спасибо.